

УДК 94(571.53)

Сибирская идентичность евреев дореволюционной Сибири

Ю. М. Гончаров

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

В статье рассматривается процесс формирования сибирской идентичности евреев в условиях дореволюционной Сибири как пример многоуровневой национальной идентичности и самоидентификации.

Ключевые слова: евреи, идентичность, диаспора, сибиряки, Сибирь, интеграция, адаптация.

Проблема идентичности является в современной науке весьма значимой и актуальной. Особенно важна эта проблема при изучении евреев, в силу специфики истории еврейского народа. В настоящее время многие специалисты высказывают мнение об иерархичности, многоуровневости национальной идентичности и самоидентификации. В этом плане еврейские сообщества, проживающие в различных регионах мира, представляют богатый материал для анализа [18].

Несмотря на большую вариативность, которую представляют различные еврейские общины в исторической и географической перспективе, еврейское сообщество в Сибири имеет свою специфику. Это своеобразие определяется тем, что Сибирь, особенно за последние 400 лет, является регионом интенсивной колонизации и интенсивных этнокультурных контактов. Русские сибиряки, которые для сибирских евреев являются «вмещающей» нацией, сами пришлые здесь. Кроме того, мультикультурность самого большого в мире историко-географического региона во многом определяла специфику межнациональных отношений и не могла не повлиять на идентичность проживающих здесь представителей различных национально-конфессиональных групп.

Современные исследователи говорят о существовании на протяжении длительного периода времени территориальных идентичностей (ярким примером которых называют «сибирство»), которые подчеркивают «пространственную, хозяйственную и психологическую обособленность населения, т. е. наличие неких самостоятельных форм и типов жизнедеятельности, традиций, опыта, идеалов и символов, которые необходимо оберегать, защищать и развивать» [2].

Интерес к «сибирскому» уровню идентичности местных евреев, повышается в связи с актуализацией в последние годы, как и столетие назад, проблемы сибирской идентичности русских сибиряков [17, с. 3–5; 15]. Возникает вопрос, в какой степени, эти две группы зауральского населения, обладавшие

различной национальной и религиозной идентичностью, обладали общей региональной идентичностью, ощущали и себя и своих непохожих соседей сибиряками.

Сибирь являлась и является особым регионом России, огромным по территории краем, с одной стороны – районом интенсивной колонизации, местом ссылки и каторги – с другой. Сибирь на протяжении всей своей истории представляла собой область интенсивных этнокультурных контактов, многонациональный край, население которого отражало многообразие этнического состава, культур и религий России. Особый интерес, с этой точки зрения, представляет история сибирских евреев – народа обладавшего богатейшим опытом жизни в диаспоре, оказавшемся в районе фронта многонациональной империи.

Довольно значительные компактно проживающие группы евреев в Зауралье появляются в начале XIX столетия (в Тобольске, Каинске, Омске, Томске, Иркутске, Нижнеудинске) и именно с этого момента можно говорить о еврейской диаспоре в Сибири. Подавляющее большинство евреев, несмотря на различные ограничительные меры, предпочитало жить в городах, сохранив присущую им тягу к городской жизни [5, с. 33].

После скученности, перенаселенности и нищеты районов черты оседлости, Сибирь с ее огромными богатствами и обширными территориями казалась евреям краем неограниченных возможностей. Как писал современник: «этот обширный край с недостаточным населением представлял... обширное поле труда и богатства... Евреи, поселившиеся в этом благодатном крае (как они его сами называли) скорее других пришельцев могли заметить эти избыточные богатства новой страны: переход из мест прежней постоянной их оседлости, – где они были тысячами скучены в грязных бедных местечках, – был слишком резок... Большая часть их... живет безбедно, ... так называемой «нищенствующей братии» вовсе нет... Поэтому сибирские евреи «не уповали даже на вторичное переселение в землю обетованную» [6].

Уже во второй половине XIX в. сибирские евреи, под влиянием местных условий, образовали достаточно специфическую общность. Сибирская община заметно отличалась по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу не только от евреев черты оседлости, но и всех других регионов Российской империи.

Ю. Островский писал об этом в начале XX в.: «Такая незначительная группа евреев, разбросанная на огромной территории... среди многомиллионного русского и инородческого населения, не могла, конечно, не поддаться влиянию окружающей среды, и, естественно, она переняла у нее немало местных обычаев и нравов... Но, теряя постепенно свои прежние черты, евреи в Сибири все же строго придерживались религиозных традиций и верований своих отцов. Таким образом, с течением времени и под влиянием местных условий образовалась в Сибири своеобразная группа евреев, с совершенно иным укладом жизни, чем у их братьев в Европейской России, создался особый тип евреев – сибирских евреев» [11, с. 7].

В это время складывается также особый тип ментальности сибирских евреев. Исследователи отмечали их зажиточность, меньшую набожность, близость по образу жизни, характеру и привычкам к местному русскому населению региона, развитое чувство достоинства, свойственное сибирякам в целом [14, с. 24].

Место, которое евреи занимали в социальной системе региона, во многом определялось спецификой Сибири как района интенсивной колонизации. Сибирь издавна была перекрестком культур и народов. Русские, заселившие в XVII–XIX вв. обширные пространства за Уралом, с самого первого времени поселения контактировали с иными народами, верованиями, культурными традициями. Это во многом определило толерантность местного населения к «иным»: «...оставаясь православным, сибиряк индифферентен к вопросам веры вообще. Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем – евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей – буддистов и шаманистов, он выработал известную веротерпимость взглядов» [8, с. 22].

Еврейское население не имело, как правило, в глазах сибиряков образа «чужака», порождающего враждебность, как это было в европейской части страны. В. Ю. Рабинович пишет: «Как и большинство сибиряков, они были либо преступниками, нарушившими закон, либо авантюристами и искателями приключений, либо хваткими, образованными и предприимчивыми коммерсантами. В психологическом портрете этих людей преобладали... деловая сметка, высокая социальная активность и мобильность, терпимость к инакомыслию, отсутствие раболепия перед властью, чинами и чиновниками, склонность к либеральным политическим течениям, яркий индивидуализм, странно сочетающийся с корпоративностью и коллективизмом... Важно, что в окружающем обществе преобладал тот же психологический тип. Евреи не выглядели ни бунтарями, ни «белыми воронами». Их качества, став обычными для края, не вызвали инстинктивного отторжения, характерного для западных губерний» [13, с. 117].

К тому же обширные богатства малозаселенного региона давали возможность прокормиться всем. Потомки предприимчивых русских первопроходцев умели ценить предприимчивость и практичность евреев. Современник отмечал: «Сравнивая прежние края своего жительства с тем простором, дешевой, доходящей до баснословности, беспечностью апатичных сибиряков, евреи не могли не радоваться и скоро усердно принялись за труд и торговлю. Неутомимая деятельность и свойственная им бережливость скоро обратили внимание на них соотечественников их – христиан, и приобрели им, таким образом, полное доверие... О враждебности христиан к еврейской торговле... не может быть и речи в здешнем крае. Здесь не обвиняли и не обвиняют в эксплуатации евреев... сближение евреев с христианским населением совершалось быстро, и без всякого труда и принуждения» [6].

Антиеврейских настроений среди русских сибиряков практически не наблюдалось. Не знали сибирские евреи и того грубого бытового антисемитизма, от которого страдали их европейские единоверцы. Вплоть до начала

XX в. отношения между еврейским и христианским населением были достаточно спокойными. Ю. Островский отмечал: «в торжественные праздники те и другие обмениваются визитами, часто «откушивают» друг у друга, дружат между собою. Лишь за последние годы, с усилением реакции и, главным образом, под давлением сверху, добрые отношения между русским и еврейским населением несколько нарушились». Ю. Островский высказал достаточно распространенную для начала XX в. точку зрения: «Еврейского вопроса – в обыденном смысле – нет в Сибири и быть не может» [11].

Современники обращали внимание на процесс восприятия «сибирскости», «осибирячивания» местных евреев: «Относительно перевоспитания еврея в сибиряка замечено... Евреи в Сибири одеваются по-русски, женщины ничем не отличаются от сибирских мещанок. По костюму в среде местного населения они не представляют особенной группы. Только физиономия обособляет их... поколение, народившееся в Сибири, не знает польского и довольно сильно в русском. Третье поколение забывает и еврейский язык и даже дома со своими непременно говорит по-русски... В четвертом, третьем поколении неопита все следы еврейства совершенно сглаживаются» [13, с. 128]. Процессы аккультурации по наблюдениям современников, приводили и к распространению русских фамилий среди сибирских евреев [16, с. 46].

Г. Белковский, описывая тип сибирского еврея, отмечал: «В общественной жизни они являются типичными сибиряками, и никто не замечал никакой племенной вражды. Жизнь русских и евреев, частная и общественная, совершенно переплетаются, семейные и религиозные праздники справляются вкупе приятными кружками без различия вероисповедания. Обособливаются эти простые сердцем люди только для молитвенных отправлений, которые всеми одинаково уважаются» [1, с. 13]. Газеты этого времени писали: «еврей в Сибири ничем не отличается от *сибиряка другой национальности* [курсив – Ю. Г.] ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыни пробита заметная брешь» [10, с. 16]. Во многом эта ситуация объяснялась спецификой региона: «Сибирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превратить в сибиряков безразлично инородцев и иностранцев» [9, с. 363].

Л. В. Кальмина пишет, что: «Умению впитывать иные культурные ценности способствовал сам образ жизни сибиряков, особенно в глухих уголках тайги, где от умения общаться друг с другом и уважать национальные традиции представителей разных национальностей и исповедовавших разную религию нередко зависело выживание». Историк приводит в качестве иллюстрации образ жизни семьи баргузинского золотопромышленника Абрама Новомейского, который в совершенстве владел бурятским языком, знал и любил бурятские песни и в то же время позаботился о еврейском образовании сына Моисея, дав ему совершенное знание иврита [7, с. 179].

Нужно сказать, что процесс «осибирячивания» был характерен не только для евреев, или представителей других меньшинств (немцев, поляков), но, прежде всего, для русских. Чтобы стать сибиряком, русскому недостаточно было переехать на эту сторону Урала, он должен был либо родиться в Сиби-

ри, либо прожить здесь длительное время (по представлениям крестьян, не менее 25 лет).

В структуре «сибирства» как территориальной идентичности современные исследователи выделяют такие качества, как: независимость от ценностей и структур Центральной России, демократизм и толерантность, утверждая, что «сибирячество не опирается на этнографическую базу» [4]. Говоря о социальном характере сибиряков, Ф. Болонев, не без основания, считает, что для него характерны следующие свойства: «широкая душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордая независимость характера, вольнолюбие, уживчивость с местным населением, желание прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого, предприимчивость и сноровка в работе» [3, с. 23]. Можно признать, что этими качествами обладали и сибирские евреи.

Восприятие сибирской идентичности евреями-старожилами приводило к тому, что они начинали дистанцироваться от своих вновь прибывших соплеменников. И. Белов (офицер, служивший в Омске в середине XIX в.) отмечал: «Евреи сибирские поселенцы, во многом отличаются от своих западнорусских собратьев: женщины их наряжаются как местные мещанки, мужчины же, подобно прочим разночинцам, носят кафтаны. Мне случалось с сказанными евреями вступать в разговор и припоминать им одноплеменников, обитателей Западной России, но они по-видимому, презирают последних, называя их *капсанами*» [2, с. 31].

Сходная ситуация отмечалась и в начале XX столетия: «С течением времени типическая внешность бывшего еврея «черты» стирается мало по малу, и он, часто незаметно для себя, становится рабом окружающей среды – он подражает, внешним образом ассимилируется и начинает любить свою новую родину... Вообще, сибирские евреи относятся недружелюбно к «российским», смотрят на них свысока и считают их по нравственным качествам ниже себя стоящими» [11, с. 37–38].

По свидетельству современников, еврей-сибиряк «обладал весьма ценной чертой – чувством человеческого достоинства и отсутствием высокомерия. Характер у него – мягкий и прямой. Он никогда не скрывал своей принадлежности к еврейской нации, никогда не унижался перед чиновником и также не допускал обиды со стороны последнего» [11, с. 39–40].

Характеризуя процессы интеграции евреев в сибирское общество, иркутский историк В. Ю. Рабинович делает вывод о том, что «попадая в новое окружение, выходцы из черты приобретали некие новые внутренние качества, которые еще более усиливались в следующих поколениях. Таким образом, появились новые этнокультурные «генерации» еврейской диаспоры в России. Сибирские евреи иначе одевались, говорили, думали, нежели их соплеменники в черте. Региональные колонии по-иному были связаны с этническим большинством и властными структурами. Члены их демонстрировали новые поведенческие стереотипы, тяготели к иным ценностным приоритетам, гораздо сильнее были подвержены процессам ассимиляции и аккультурации. Вместе с тем они оставались евреями, сохраняли основные этнические черты,

традиции, чтит религиозные нормы, охраняя свою этнокультурную самобытность» [12, с. 24].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. евреи сумели успешно интегрироваться в сибирское общество и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов сибирского социума. Сохранив свою национальную и религиозную идентичность, сибирские евреи стали ощущать себя и сибиряками, что сближало их с другими народами, проживавшими в регионе, чему во многом способствовали общий язык, территория, бытовая культура.

1. *Белковский Г. А.* Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905.
2. *Белов И.* Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852.
3. *Болонев Ф. Ф.* Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири. Новосибирск, 1998.
4. *Бороноев А. О.* «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь: Проблемы сибирской идентичности. СПб., 2003.
5. *Гончаров Ю. М.* Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2005.
6. *Гудович.* Быт евреев в Сибири // Вестн. русских евреев. 1871. № 29–30.
7. *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003.
8. *Клюева В. П.* Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004.
9. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. Ч. 1: Несчастные. СПб., 1871.
10. *Моравский В.* Сибирские евреи и конституция // Сиб. вопросы. 1909. № 35. С. 16.
11. *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб., 1911.
12. *Рабинович В. Ю.* Евреи и иркутское общество (конец XIX – начало XX в.) // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999.
13. *Рабинович В. Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.
14. *Романова В. В.* Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. – 24 с.
15. *Сверкунова Н. Б.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
16. *Тихонов Т. И.* Еврейский вопрос в России и Сибири. СПб., 1906.
17. *Умбрашко К. Б.* Сибирь и Россия: историко-политические аспекты идентичности и взаимовосприятия // Проблемы этнологии и этнопедагогике. Новосибирск, 1999. С. 3–5; 15.
18. *Членов М. А.* Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 34–56.

Siberian Identity of the Jews in the Pre-Revolutionary Siberia

Yu. M. Goncharov

Altai State University, Barnaul

The article concerns the process of formation of Siberian identity of the Jews in the Pre-Revolutionary Siberia as an example of multilevel national identity and identification.

Key words: the Jews, identity, diaspora, the Siberians, Siberia, integration, adaptation.

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, 656099, г. Барнаул, просп. Ленина, 61 «а», к. 315, тел. 8(3852)66-84-55, e-mail: yuriig@yandex.ru

Goncharov Yuriy Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, the Altai State University, 656099, Barnaul, Lenin Avenue, 61 «a», office 315, phone 8(3852)66-84-55, e-mail: yuriig@yandex.ru